

ИНТЕРВЬЮ

«...НО ЕСЛИ И МУЗЫКА НАС ОСТАВИТ, ЧТО ТОГДА БУДЕТ С НАШИМ МИРОМ?»

1 апреля 2014 года Н.В. Гоголю исполнилось 205 лет.

Наш собеседник – доктор филологических наук Владимир Дмитриевич Денисов, питерский гоголевед, и потому наша беседа – своего рода «петербургский текст».

Как Вы пришли к Гоголю? Что для Вас Гоголь? Объект научного исследования? хобби? сама жизнь?

Творчество Николая Васильевича Гоголя отмечено великой силой художественного созидания, жизнетворения, владения неким Чудом оживления образов, которое нельзя рационально объяснить. Он заставляет читателя со-размышлять о судьбах России, Украины, да и мира в целом. Притом перед ним открывается как бы сама жизнь – и прошлая, и современная. Но чтобы узнать, как это Чудо сотворил Гоголь, нужно, прежде всего, стать неравнодушным читателем. – Вот с этого я начинал. На первом курсе литфака ЛГПИ им. А.И. Герцена студент Володя Денисов вдруг, довольно неожиданно для себя самого, написал какую-то творческую работу о ритме прозы в «Шинели», воспользовавшись структуральными трудами (в частности, М. Гишмана). Добрейшая Д.К. Мотольская пригласила на обсуждение кого-то из Пушкинского Дома... После этого его, конечно, стали дразнить «гоголеведом», и протестовать было бессмысленно: какого провинциала не греет легенда о незаметном, некрасивом, бедном юном мечтателе, однажды проснувшемся знаменитым в столице, покоровившем её – неизвестно как и непонятно зачем. Но все это осталось бы на уровне разговоров, догадок, любительского истолкования текста, иногда остроумного, а чаще бестолкового, если бы не постоянная учеба (и споры, споры!) в спецсеминаре А.М. Докусова и на спецкурсе В.А. Западова. Тогда и вся кафедра русской литературы – с Б.Ф. Егоровым, Н.Н. Скатывым, Я.С. Билинским, Борисом Бурсовым и другими профессионалами – была очень сильна, энергична, авторитетна, интеллигентна, что вызывало желание им хотя бы подражать.

Через Гоголя виделась вся великая русская литература – с великими же секретами, и оказалось, что нельзя ее понять, не зная

Библию и Евангелие. С Гоголем можно было посоветоваться в житейских передрягах. Да и просто нравилось читать произведения той эпохи, вникать в отношения писателей, но чем глубже я в это погружался, тем больше стеснялся убожества своего диплома. Работа в школе и служба в армии, как ни странно, только усилили это чувство... И чтобы его изжить, пришлось серьезно взяться за диссертацию и проводить время в Публичной библиотеке, где обычно сидели, курили и женихались аспиранты, а за столом для докторов наук иногда мирно дремал Ю.М. Лотман. Как представлялось, дело-то было за малым: начитаться умных книжек и попробовать разглядеть в Гоголе что-то свое...

Потом, когда я стал объяснять себе, почему всё так получилось, то вспомнил, что родился в конце лета 1952 г. А в феврале – марте в Советском Союзе помпезно отмечалось столетие смерти Гоголя (тогда дни рождения деятелей не праздновали: рождаются-то все одинаковыми...), а, следовательно, будущая мама – учительница русского языка и литературы – обязана была участвовать в юбилейных мероприятиях, хотя ее и занимало другое... В моем детстве часто гас свет (государство его экономило), при свечах мне иногда давали, вместо книжек с картинками, юбилейное издание «Мертвых душ», и я, не умея еще читать, просто изумлялся нарисованным Лаптевым уродам. Больше всего – до озноба! – позднее потрясли картинки из диафильма «Страшная месть». А вот школьный Гоголь, бодрый, поучительный, «социальный», с попреками царю и «смехом сквозь слезы», почему-то совсем не затронул, прошмыгнул мимо меня и пропал, пропал почти бесследно. Как-то, знаете, было неинтересно... Теперь мне очень важно, что, по-видимому, Гоголя больше всего печалили несовершенства человеческой природы, ее «первородная» греховность, убожество и мелочи «пошлой» жизни человека, которые он видел, согласно христианским идеалам, прежде всего, в самом себе, а потому и смеялся над этим – да, с ожесточением, болью, горечью! – от великой любви. Больше всего поражает его искусство Слова, которое невозможно без Веры (как любое Искусство), и особенно актуально гоголевское понимание России как семьи народов, во главе

со славянами, противостоящих вызову Запада, и вера в ее великое будущее.

Да, о 80-х можно писать только ностальгически. ЛГПИ им. Герцена – «островок культуры», а поездка в апреле на ежегодные Герценовские чтения для нас, сибирских провинциалов, была настоящим «глотком культуры»: то «ухватишь» лекцию Ю.Н. Чумакова (он читал спецкурс о «Маленьких трагедиях»), то неожиданно удастся С.С. Аверинцева послушать, а то, если повезет, и Е.Г. Эткинда. Кафедра русской литературы казалась самой-самой... Обсуждали строго, но без намека на то, чтобы поставить на место. На герценовских как-то довелось услышать очень интересный доклад о «Записках сумасшедшего» аспиранта Володи Денисова: он явно выделялся среди прочих.

Но вернемся к интервью.

С 1980-х годов Вы постоянно участвуете в Гоголевских конференциях. Как Вы оцениваете их уровень? Что дает участие в них?

Дает ощущение сопричастности к великому делу, которое останется после нас. Первые же наши встречи показали, что творчество Гоголя по-настоящему не изучено и необходимы иные пути исследования. Далее в этот перестроечный процесс вовлекались все новые и новые люди, идеи, материалы... Постепенно прежняя жесткая идеологичность стала сменяться, как модно сейчас говорить, многообразными дискурсами. Были созданы гоголеведческие центры в Нежине и Полтаве, а библиотека в московском старинном здании, где умер великий писатель, обрела права музея и стала называться Домом Гоголя, международным центром изучения его творчества. Появились неплохие издания. Обычно Гоголевские чтения собирают российских и украинских исследователей, кроме того, приезжают ученые из Италии, Польши, Германии, Китая, США, Японии... Уровень докладов традиционно высок: их делают и члены Гоголевской группы ИМЛИ, издающей новое Академическое собрание сочинений и писем Гоголя, и еще обычно приезжают около 20 докторов филологических наук, авторы монографий, множества статей о жизни и творчестве Гоголя. Конечно, уже давненько не появлялось новых имен и значительных заявок на открытия, хотя понятно – работа долгая, кропотливая,

местами нудная, на нее годы уходят... Если же говорить о пользе самих конференций, то знакомство с гоголевскими местами в Нежине и Полтаве помогает понять и/или интерпретировать очень многое, особенно в ранних сочинениях писателя. К тому же без посещения Васильевки, Диканьки, Великих Сорочинец была бы намного беднее и наша собственная жизнь. Может быть, мы когда-нибудь так и до Рима, Парижа и даже Иерусалима доберемся... Гоголь там был.

Расскажите о Доме Гоголя. Связаны ли с ним какие-нибудь мистические истории?

Это сохранившийся в самом центре, возле Нового Арбата, уголок старой Москвы: городская усадьба с небольшим сквером и скорбным памятником Гоголю работы гениального скульптора Н.А. Андреева. Вот уже 90 лет здесь располагается библиотека. Ее преобразование началось с приходом Веры Павловны Викуловой, сумевшей за короткое время обновить не только обветшавшие стены, интерьер, экспозиции, но и научную и культурную жизнь, привлечь к сотрудничеству людей самых разных профессий и интересов. Этот дом стал единственным в России музеем Гоголя, и теперь здесь ко дню его рождения собираются ученые на Международную конференцию. В музее есть два особенных места: комната Памяти, где умер писатель (и произошло это при обстоятельствах, которые можно истолковать как

мистические), и камин, где, согласно легенде, он сжег рукопись второго тома «Мертвых душ». Не знаю, видят ли служащие там нечто необычное, ужасы или ночные кошмары, поскольку они об этом ничего не говорят, вот лично мне некоторый страх внушает зал электронных интерпретаций жизни и творчества Гоголя, там все таинственно мелькает, шуршит и верещит, хотя утверждают, что дети от этого в полном восторге.

Гоголеведение – обширная область литературоведения. Кто же, по-вашему, там самый-самый? Труды каких исследователей гоголевского творчества Вы особенно цените?

Думаю, не потеряли своего значения статьи Белинского, труды Кулиша и Шенрока, исследования В.В. Гиппиуса, Г.А. Гуковского, Д.И. Чижевского. Из современных назову концептуальные работы Юрия Манна, Сергея Бочарова, Юрия Барабаша, Владимира Казарина, Ивана Есаулова, Владимира Воропаева, Игоря Виноградова, Михаила Вайскопфа, Владимира Звиняцковского.

Вы по своему складу «кабинетный ученый» или коммуникабельная личность?

Пытаюсь как-то уравновешивать первое и второе, потому что нельзя посвящать все свое время научной работе (хотя очень хочется!), но долго без живого общения не могу. Коллеги и студенты помогают держаться в тоне и в седле, а родные – в жизни.

Как правило, за каждым ученым стоит Учитель... Расскажите о вашем наставнике – Н.Н. Скатове. Он, несомненно, Личность в науке. Это и мой Учитель, которого я не просто ценю, но преклоняюсь перед ним, испытывая бесконечную благодарность. Когда-то (в начале 90-х) наш алтайский шукшиновед В.Ф. Горн (ныне покойный) поставил Николая Николаевича чуть ли не на первое место по эрудиции среди российских ученых, Горн учился тогда в ИМЛИ в докторантуре, но неоднократно общался с Николаем Николаевичем и с учеными мужами ИМЛИ – большими друзьями Николая Николаевича. У Николая Николаевича есть такое качество – он

бескорыстно помогает людям. А что Вам представляется основой, стержнем его личности?

Служение Отечеству, его Литературе и Культуре (как ни высокопарно это звучит), мудрая простота, откровенность и нечиновность в общении, широта взглядов и, в то же время, верность принципам, прямодушие, поддержка полезных научных и общественных инициатив, отвращение к неправде и подлецам. Он человек Дела, из тех «атлантов», не будь которых, «небо упадет».

У Вас особые отношения с ним?

Да, я очень многим обязан Николаю Николаевичу, но главное – его личному примеру и доверию, которое нужно заслужить и оправдывать постоянными трудами.

Прошлой весной Светлана Дмитриевна Титаренко передала мне привет от Николая Николаевича (она встретила с ним в ИРЛИ, где была по своим предзащитным, докторским делам), добавив, что он по-прежнему хорошо выглядит, красив, элегантен, интеллигентен. В начале мая у Николая Николаевича день рождения. Хочется пожелать ему долгих-предолгих лет, здоровья, «миллион алых роз» от благодарных учеников, которые его помнят.

Ваши студенты любят Гоголя?

Обычно говорят, что любят.

А Вы им верите?

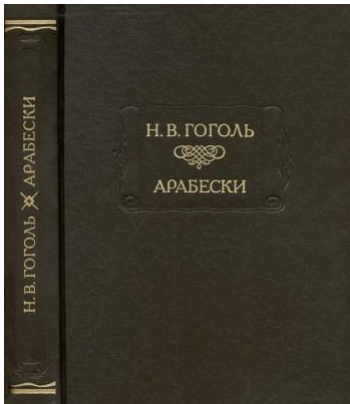
Проверяю. Ведь нынешние студенты, к сожалению, в массе своей не любят и не хотят читать, их в школе этому не научили, как не научили мыслить не по шаблону, – следовательно, красоты слога или стиля им неведомы! У них клиповое мышление (отчего они плохо воспринимают произведение искусства как оригинальное целое), штампы сокращенных пересказов по ЕГЭ, интернет-зависимость, обычные лень и невежество... В результате нет глубокого понимания

литературы вообще и творчества Гоголя в частности. НО на каждом курсе пока что встречаются два-три-четыре, ну, допустим, пять неравнодушных к литературе студентов... и хотелось бы тихо пометчать, что таких станет еще больше!

Ваши последние публикации. Что и где опубликовано?

Недавно вышли материалы Тринадцатых Гоголевских чтений «Творчество Гоголя и русская общественная мысль», где я был и автором статьи о связях Гоголя с «любомудрами», и научным редактором сборника. В одном киевско-русском журнале должна вот-вот появиться статья «У истоков творчества Гоголя», но, боюсь, редакции сейчас не до того...

Мы знаем, что Вы занимались редактированием нового издания сборника Гоголя «Миргород» в серии «Литературные памятники». Что принципиально нового в этом издании?

Начнем с того, что в 2009 г., к 200-летию юбилею Гоголя, я осуществил **первое научное издание** его сборника «Арабески» 1835 г. Для их воспроизведения лучше всего подошел формат «Литературных памятников», причем было исправлено около 40 ошибок старого Академического издания, не говоря о пунктуации... Ведь ошибки накапливаются в результате «слепого» копирования, типографских опечаток, незнания прежней орфографии и проч. и проч. Поэтому время от времени канонический

текст следует сверять с авторитетным изданием, а замысел автора реконструировать как можно точнее, используя новые публикации по теме. Сложность была в том, что автор не перепечатал «Арабески» в собрании сочинений, отделив три петербургские повести в иной контекст, да и сам принцип сочетания художественных произведений с нехудожественными больше не использовал. Гоголь как бы забыл про «Арабески», хотя именно они отразили эволюцию его творческого метода, его развитие как писателя и, несомненно, историка, мыслителя, художника, деятеля культуры. Результат же этого творческого процесса запечатлен в цикле «Миргород», который в глазах современников сделал Гоголя великим писателем. Книга выдержала множество изданий даже в наше время. Но, чтобы понять ее замысел, следовало обратиться к первому изданию, о котором практически забыли, а текст его затем подвергся правке учителя русского языка Н.Я. Прокоповича, по просьбе однокашника сгладившего излишние «неровности» текста. Со временем накопилось много новых сведений, а также версий и концепций «Миргорода», и нужно было как-то свести их воедино, переосмыслить в историческом контексте. Ведь на замысел 1-й редакции повести «Тарас Бульба» очевидно повлияли и возвращение «задунайских» запорожцев, и Польское восстание, и работа над новой «Историей Малороссии», и преподавание всеобщей и средневековой истории, и фольклорные штудии, и сама история рода Гоголя, и его «Страшная месть»... Кроме того, оставалась загадка «Вия»: неясными были и принципы соотношения с другими повестями, и мотивы поведения героев (например, почему панночка выбирает Хому, а не кого-то из его товарищей). Так что работа была интересной, сложной, и, на мой взгляд, нам удалось продвинуться в понимании законов художественного мира Гоголя. Нам – потому что не могу отделить себя от гоголеведов, ранее писавших о «Миргороде» или консультировавших меня по каким-то вопросам, – это наше общее достижение.

От чего бы Вы хотели предостеречь начинающих заниматься Гоголем?

От поверхностного восприятия, иллюзии готовых однозначных решений, от упрощения действительно сложных и мудрых вещей. Эти творения настолько велики, многогранны и актуальны, что содержат ответы на любые вопросы нынешнего читателя. И очень жаль тех, кто видит в них лишь иллюстрации своих кошмаров, примитивную физиологию, абстракцию, проекции телесной и/или духовной ущербности. И вообще – просто «заниматься Гоголем» нельзя: это Он вами занимается (или же равнодушен к вам), нужно внимательно слушать, о чем он спрашивает и что нового хочет поведать всем «через» вас, ну и суметь это корректно зафиксировать. Вот и всё.

И последнее. «Если музыка нас оставит, что тогда будет с нашим миром?»

Спасибо Вам за такой «гоголевский вопрос»! Это было сказано, когда Гоголь, и не он один, напряженно ожидал возможного конца света в 1837 г. Катастрофа оказалась несколько иного масштаба – погиб Пушкин, и тогда представлялось, что гармония русской литературы, ее «музыка» безвозвратно испорчена. И все дальнейшие усилия нашей литературы – до сегодня и, наверное, в грядущем – были, есть и будут направлены на восстановление пушкинского идеала. Такова задача великих гоголевских «Мертвых душ», которые, как известно, названы **поэмой**. И романов Достоевского, и его пушкинской речи, и поэмы Блока «Двенадцать», и Шолохова, и «Мастера и Маргариты»... Сам же мир оказался более устойчив, хотя во многом уже равнодушен к гармонии, как человек, с течением лет переставший слышать музыку в себе. Ведь то, что булькает, трещит и завывает в наушниках у молодых, музыкой, при всем желании, назвать трудно, однако мир от этого – слава Богу! – не кончается.

Большое спасибо Вам за интервью. Вы интересный собеседник.

Хочется пожелать Вам, Владимир Дмитриевич, вдохновения, творчества, музыки...

Вопросы задавала Г.П. Козубовская